

ЗАКОНОДАТЕЛЬНАЯ ТЕКСТОЛОГИЯ УГОЛОВНОГО ПРАВА

Аннотация. Законодательно-текстологический подход к уголовному закону, в отличие от традиционного языкового подхода, держится на понимании того, что конечным результатом законотворческой деятельности является текст уголовного закона. Законодательная текстология имеет два направления практического применения: конструирование уголовно-правовых предписаний и интерпретация текстов уголовного закона.

Первое направление практического применения законодательной текстологии позволяет выявить текстуальные признаки уголовного закона, установить динамику изменений статей Общей и Особенной частей УК РФ, провести анализ структурной организации текста уголовного закона, выявить минимальные, оптимальные и сверхобъемные тексты статей, провести дифференциацию уголовно-правовых предписаний в соответствии с их композиционно-графическими особенностями и дать практические рекомендации по совершенствованию архитектоники статей УК РФ, рассмотреть проблему качества уголовного закона применительно к его адресатам, установить текстуальные особенности заголовков статей Особенной части УК РФ, разработать практические рекомендации по применению положений законодательной текстологии при конструировании примечаний, выявить новые конструкции составов преступлений с рестриктивными (ограничительными) признаками. Законодательно-текстологическая интерпретация как второе направление практического применения законодательной текстологии дает возможность осуществить анализ текста уголовного закона, включая его структурные, конструктивные и концептуальные особенности, выработать алгоритм законодательно-текстологической интерпретации, обеспечивающий пошаговое толкование текста уголовного закона.

Методологические основы законодательной текстологии составляют как традиционные методы познания (метод исторической рефлексии, сравнительно-правовой, логический, социологический, статистический методы, метод экспертных оценок), так и новые подходы к исследованию текста уголовного закона (дискурсивный, текстоцентрический, коммуникативный и метод структурного анализа).

Ключевые слова: законодательная текстология, законодательно-текстологическое конструирование, текстуальные признаки уголовного закона, модели уголовно-правовых предписаний, классификация заголовков статей УК, классификация составов преступлений по криминализующему признаку объективной стороны, классификация примечаний, алгоритм законодательно-текстологической интерпретации.

DOI: 10.17803/1729-5920.2017.124.3.106-122

Принятие Уголовного кодекса РФ и связанных с ним многочисленных федеральных законов, вносящих изменения и дополнения в действующее уголовное законодательство, знаменует собой эпоху законопроизводства, пришедшую на смену эпохам за-

© Ситникова А. И., 2017

* Ситникова Александра Ивановна, доктор юридических наук, профессор Юго-Западного государственного университета

orcrimpravo@yandex.ru

305040, Россия, г. Курск, ул. 50 лет Октября, 94

конописания и законотворчества. Новую эпоху отличает постоянный рост количества законов и внесенных в уголовное законодательство изменений, а также технико-юридического брака, связанного с ускоренным производством законов. Обращает на себя внимание активность законодателя в сфере создания законов, регулирующих уголовно-правовые отношения: с 1998 по 2014 г. принято 166 федеральных законов, которыми внесены многочисленные изменения и дополнения.

При этом рост количества изменений не соответствует их качеству. В этой связи ученые и практикующие юристы все чаще заявляют о необходимости проведения фундаментальных правовых исследований, которые могут служить основанием прикладных разработок. Вместо этого, по словам Д. А. Керимова, современная юридическая литература в большинстве своем освещает отдельные, преимущественно частные вопросы, занимается в основном апологетикой действующего законодательства и комментаторскими обобщениями нередко беспомощной правоприменительной практики¹.

В современной юридической литературе сложились два подхода к исследованию особенностей нормативных правовых актов: языковой и законодательно-технический, которые имеют длительную историю, значительные достижения, прочно сложившиеся традиции. Представители *языкового подхода* (А. С. Пиголкин, Н. А. Власенко, Т. В. Губарева) признают естественный язык единственным средством объективации права в форме закона². Их сторонники разработали новое научное направление — юрислингвистику (лингвистику). Объектом этого направления являются взаимоотношения языка и закона: отношение

языка к закону признает юрислингвистика, а закона к языку — лингвоюристика; юридический аспект языка является предметом юрислингвистики, языковые аспекты права интересуют лингвоюристов³. Специалисты-языковеды по уголовному праву (А. И. Бойко, М. Б. Кострова и др.) полагают, что языковая детерминированность уголовного закона является неоспоримым фактом⁴, так как законодатель не имеет (и никогда не имел другой формы воплощения своего волеизъявления, нежели через естественный (для УК РФ — русский) язык⁵. В соответствии с данным подходом ученые-криминалисты ставят в один ряд заголовки, дефиниции, термины, оценочные признаки и тем самым отождествляют разные понятия — язык уголовного закона и уголовно-правовой текст. Влияние языкового подхода в уголовно-правовой литературе проявляется в неизбежном «сочетании» характеристики языка закона с характеристикой свойств законодательного текста. Достаточно наглядно языковой подход к уголовному праву представлен в названиях монографий и диссертаций⁶. Что касается юристов-практиков, то последние имеют дело с нормативными текстами, а не с языком как таковым, ибо язык закона — это система лексических и грамматических средств, используемых законодателем для создания нормативного текста.

Разработкой различных аспектов *законодательной техники* (предмет законодательной техники, ее роль, задачи, основные приемы, средства, правила, недостатки и связанные с ними законодательные ошибки) занимаются как теоретики права (С. С. Алексеев, В. М. Баранов, Д. А. Керимов и др.), так и представители уголовно-правовой науки (Л. Л. Кругликов, К. К. Панько, Ю. Г. Зуев, Е. В. Ильюк и др.). Се-

¹ Керимов Д. А. Проблемы законодательной техники // Международное и национальное уголовное законодательство: проблемы юридической техники : Материалы III МНПК, 29—30 мая 2003 г. М., 2004. С. 24, 27.

² Губарева Т. В. Язык и право. М., 2007. С. 1.

³ Юрислингвистика: проблемы и перспективы : межвуз. сб. научных трудов / под ред. Н. Д. Голева. Барнаул, 2000.

⁴ Бойко А. И. Язык уголовного закона и его понимание. Ростов н/Д, 2009. С. 42—62.

⁵ Кострова М. Б. Языковая детерминированность уголовного закона. Саратов, 2002. С. 64.

⁶ Радаева Н. Л. Лингвистические основания толкования уголовного закона и квалификации преступлений : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Волгоград, 2004 ; Третьякова Н. С. Лингвистические особенности уголовно-правовых норм об ответственности за хищения : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Омск, 2009 ; Бойко А. И. Язык уголовного закона и его понимание. Ростов н/Д, 2009 ; Фаргиев И. А. Учение о потерпевшем в уголовном праве России : дис. ... д-ра юрид. наук. М., 2005. С. 39—47, 74—84.

решное внимание законодательной технике уделяют ярославская, воронежская, нижегородская, московская и другие школы, которые организовали массированные исследования законодательно-технических проблем. Результаты исследований показывают, что сфера законодательной техники ограничена такими юридическими средствами, как конструкции, аксиомы, презумпции, фикции, преюдиции, оговорки и юридические символы.

Представители языкового и законодательно-технического подходов, наряду со специфическими аспектами, присущими языковой и технико-центрической парадигмам, анализируют текстуальные особенности заголовков, требования, предъявляемые к тексту закона, примечания, конструирование нормативных текстов, толкование и т.п. Об этом свидетельствуют постоянные оговорки о ясности и простоте изложения нормативного *текста*⁷, а не языка закона, о точности юридического *текста*⁸, о речевой избыточности и речевой недостаточности законодательных *текстов*⁹, о требованиях, предъявляемых законодателем к *тексту* закона, о сочетании в *тексте* закона точности, ясности и полноты предписаний¹⁰. Между тем требования, предъявляемые к языку уголовного закона, являются стандартами, которые должны предъявляться к тексту уголовного закона, так как вне нормативного текста такие атрибутивные свойства, как точность, ясность и краткость не существуют. В этой связи назрела необходимость разработки нового направления уголовно-правовых исследований — законодательной текстологии уголовного права, объектом которой является текст уголовного закона.

Впервые законодательно-текстологический подход как теоретическая основа исследования нормативно-правовых актов заявлен авторами-составителями книги «Российское законодательство X—XX веков» в девяти томах. Создатели этого многотомного труда — О. И. Чистяков,

В. Л. Янин, В. М. Клеандрова и другие историки права провели исследование правовых памятников с позиций общей текстологии в соответствии с ее принципами и методами. Понятие «законодательная текстология» в научном обороте историками права не использовалось, так как общая текстологическая ориентация имеет четко выраженный исторический подход, который предопределяет обращение правоведов к генезису правовых памятников и генезису правовых идей. Однако научный потенциал законодательно-текстологических исследований намного шире и не ограничивается историей нормативных текстов, их историко-правовым рассмотрением или толкованием. Соотношение исторического и правового аспектов в законодательно-текстологических исследованиях может быть разным: от чисто исторического описания правовых памятников вплоть до законодательно-текстологического анализа изменений и дополнений, вносимых в Уголовный кодекс Российской Федерации федеральными законами.

Потребность в законодательно-текстологических исследованиях отражена не только в трудах историков права, но и в работах специалистов по законодательной технике уголовного права. Н. П. Панченко справедливо отмечает, что суть технико-юридической проблематики, касающейся законодательного языка, может быть выражена словосочетанием «правовая текстология»¹¹. В публикации указанного автора вопрос о необходимости разработки правовой текстологии имеет постановочный характер. При этом автор предлагает альтернативные названия нового направления теоретических исследований: «юридическая текстология», «законология» и «теория законов». В 2003 г. А. С. Александров защитил докторскую диссертацию, в которой использовал термин «законология», предложенный Н. П. Панченко, применительно к тексту уголовно-процессуального закона¹².

⁷ Язык закона / под ред. А. С. Пиголкина. М., 1990. С. 17.

⁸ Кашанина Т. В. Юридическая техника : учебник. М., 2007. С. 120.

⁹ Калинина Н. А. Лингвистическая экспертиза законопроектов: опыт, проблемы, перспективы. М., 1997. С. 17—34.

¹⁰ Чухвичев Д. В. Законодательная техника. М., 2008. С. 175—183.

¹¹ Панченко Н. П. Юридическая техника как фактор совершенствования уголовного законодательства // Проблемы юридической техники. Н. Новгород, 2000. С. 563—564.

¹² Александров А. С. Язык уголовного судопроизводства : дис. ... д-ра юрид. наук. Н. Новгород, 2003. С. 26—69.

На наш взгляд, более точным термином для обозначения теории, объектом исследования которой является текст закона, служит термин «законодательная текстология». Указанный концепт перекликается с концептом «законодательная техника», значение которого существенно отличается от значения понятия «техника». Равным образом концепт «законодательная текстология» по своей смысловой нагрузке отличается от понятия «текстология», которое используется в филологии. Доктринальный концепт «законодательная текстология уголовного права» служит для обозначения теории конструирования и интерпретации уголовно-правовых предписаний.

Законодательно-текстологический подход к уголовному закону, в отличие от традиционного языкового подхода, держится на понимании того, что конечным результатом законотворческой деятельности является текст уголовного закона, состоящий из различных текстовых элементов. Законодательная текстология имеет два направления практического применения: конструирование уголовно-правовых предписаний и интерпретация текста уголовного закона. Первое направление практического применения законодательной текстологии позволяет выявить текстуальные признаки уголовного закона, установить динамику изменений текста статей Общей и Особенной частей Уголовного кодекса Российской Федерации, провести анализ структурной организации текста уголовного закона, выявить минимальные, оптимальные и сверхобъемные тексты статей, провести дифференциацию уголовно-правовых предписаний в соответствии с их композиционно-графическими особенностями и дать практические рекомендации по совершенствованию архитектоники статей Уголовного кодекса Российской Федерации, рассмотреть проблему качества уголовного закона применительно к его адресатам, установить текстуальные особенности заголовков статей Особенной части Уголовного кодекса Российской Федерации, разработать практические рекомендации по применению положений законодательной текстологии при конструировании примечаний, выявить новые конструкции составов преступлений с рестриктивными (ограничительными) признаками, сформулировать теоретические модели уголовно-право-

вых институтов с учетом поверхностного (конструктивного) и глубинного (концептуального) уровней уголовно-правовых предписаний.

Законодательно-текстологическая интерпретация как второе направление практического применения законодательной текстологии дает возможность осуществить анализ текста уголовного закона, включая его структурные, конструктивные и концептуальные особенности, выработать алгоритм текстологической интерпретации, обеспечивающий пошаговое толкование текста уголовного закона.

Методологические основы законодательной текстологии составляют как традиционные методы познания (метод исторической рефлексии, сравнительно-правовой, логический, социологический, статистический метод, метод экспертных оценок)¹³, так и новые подходы исследования текста уголовного закона (дискурсивный, текстоцентрический, коммуникативный, метод структурного анализа). *Дискурсивный метод* позволяет рассмотреть текст Уголовного кодекса РФ как относительно заверченный. Дискурсивность уголовного закона проявляется в том, что его текст является социально значимым, его адекватность определяется тем, что он отражает изменения, происходящие в обществе, не только во время его принятия и вступления в силу, но и в течение всего периода действия. *Коммуникативный подход* заключается в признании ведущей роли человеческого фактора в текстопорождении, восприятии и интерпретации нормативного текста. С позиций коммуникативной онтологии уголовный закон является средством письменной коммуникации между законодателем и адресатами закона. *Текстоцентрический подход* основан на рассмотрении уголовно-правовых предписаний с позиций элементов актуального членения, элементами которого выступает тема предписания (исходная часть нормативного текста) и дескриптивные (описательные) признаки предписания. Методологическое значение концепции *структурной организации* уголовно-правового текста заключается в том, что текст уголовного закона, его предписания должны конструироваться и интерпретироваться в соответствии с учетом наличия в нормативном тексте двух уровней: поверхностного (конструктивного) и глубинного (концептуального).

¹³ Назаренко Г. В. Методология правопознания. Орел, 2014. С. 15 и след.

КОНСТРУИРОВАНИЕ УГОЛОВНО-ПРАВОВЫХ ПРЕДПИСАНИЙ КАК НАПРАВЛЕНИЕ ПРАКТИЧЕСКОГО ПРИМЕНЕНИЯ ПОЛОЖЕНИЙ ЗАКОНОДАТЕЛЬНОЙ ТЕКСТОЛОГИИ

1. С позиций законодательной текстологии УК РФ представляет собой нормативный текст, обладающий текстуальными признаками:

- 1) наличие заголовков, тематизирующих уголовный закон в целом, его части, разделы, главы, статьи;
- 2) объективированность в тексте уголовного закона уголовно-правовых предписаний, выражающих волю законодателя;
- 3) текстуальная завершенность;
- 4) официальный стиль изложения уголовно-правовых предписаний;
- 5) связность текста;
- 6) его целенаправленность;
- 7) прагматичность.

Уголовный закон, не имеющий значимых текстуальных признаков либо имеющий текстуальные недостатки, следует считать недостаточно качественным в сфере тех признаков, которые отсутствуют или слабо представлены в тексте закона, его институтах конкретных уголовно-правовых предписаниях.

1.1. *Заголовки УК РФ, его структурных единиц (частей, разделов, глав, статей)* выступают в качестве структурно-смысловых доминант нормативного текста, наличие которых позволяет получить в режиме быстрого доступа точную и достоверную информацию о государственной и отраслевой принадлежности закона, его структуре, системных связях его институтов, уголовно-правовых предписаний и генерализованном (обобщенном) содержании каждой структурной единицы, отраженной в заголовочном комплексе. Заголовки уголовного закона выполняют три функции: номинативную (служит в качестве наименований), информативную (предоставляет сведения о структуре кодекса и его содержании) и интегративную (придают связность и целостность уголовному закону).

По характеру структуры различаются две группы заголовков: тематические заголовки, которые тематизируют содержание статей, и заголовки-диспозиции, которые воспроизводят текст диспозиций. С учетом особенностей структуры тематических заголовков можно выделить краткие заголовки, заголовки-словосочетания, перечневые, бланкетизированные и комбинированные заголовки.

Краткие тематические заголовки состоят из одного слова (раздел 11 «Преступление», глава 5 «Вина», статья 21 «Невменяемость»). В Особенной части УК РФ краткие тематические заголовки статей составляют 8,9 % от общего числа заголовков (ст. 105, 116, 117, 129, 130 УК и др.). Краткие тематические заголовки имеют абсолютную воспроизводимость и являются опорными пунктами при восприятии, осмыслении и запоминании нормативного текста.

Тематические заголовки-словосочетания — это лаконичные наименования разделов, глав и статей закона (раздел 1 «Уголовный закон», глава 6 «Неоконченное преступление», статья 3 «Принцип законности» и др.). Общая часть УК РФ содержит 28 заголовков-словосочетаний (ст. 3, 5, 6, 7, 14 и др.), 6 наименований глав (6, 7, 10, 12, 15, 15.1). В Особенной части УК РФ заголовки-словосочетания имеют 30 статей (ст. 110, 125, 126, 127.1 и др.).

Перечневые тематические заголовки представляют собой наименования, в которых перечисляются объекты посягательства, преступные действия и другие признаки состава преступления. Большинство названий глав Особенной части УК РФ (10 из 19) включает в себя перечни объектов посягательства, заголовки статей Особенной части УК РФ содержат перечни преступных действий (ст. 186, 238, 266 и др.), предметов преступления (ст. 142, 190, 191 и др.), субъектов преступления (ст. 184 УК), потерпевших (ст. 298, 317, 319 и др.). Перечневые заголовки имеют невысокую воспроизводимость, что связано как с длиной перечня, так и наличием специальных терминов.

Бланкетизированные тематические заголовки содержат указание на незаконность совершаемых действий (ст. 123, 128 УК РФ и др.), нарушение каких-либо прав или установленного порядка (ст. 136, 138, 143 и др.), правил (ст. 216, 217, 218, 271.1 и др.), неисполнение обязанностей (ст. 156, 199.1 и др.), злоупотребление полномочиями или их превышение (ст. 201, 202, 203 и др.) и другие нарушения установленных норм. Бланкетизированный характер имеют заголовки 98 статей, что составляет 34,5 % от общего числа заголовков статей Особенной части УК РФ.

Комбинированные тематические заголовки сочетают в себе признаки других заголовков (ст. 106, 124, 134, 150 и др.). Такие заголовки имеют усложненную структуру и, как правило, пониженную воспроизводимость. В частности, заголовок ст. 141.1 УК РФ содержит признаки

бланкетных и перечневых заголовков, состоит из 20 слов, является избыточно информативным и трудно воспроизводимым. Назывная функция заголовка в силу его речевой невоспроизводимости трансформируется в графически-выделительную (безразличную для уголовного закона) функцию.

Заголовки-диспозиции воспроизводят диспозиции статей (ст. 228 УК РФ — 35 слов, ст. 228.1 — 33 слова, ст. 229 — 26 слов). Дублирование диспозиций в заголовках — неадекватный прием. Информативность заголовков-диспозиций избыточна, объем велик, а воспроизводимость близка к нулю.

1.2. *Объективированность* как признак нормативного текста проявляется в том, что уголовное законодательство состоит из текста Уголовного кодекса (ст. 1 УК РФ), который выступает в качестве формы объективации уголовно-правовых предписаний, выражающих волю законодателя. Согласно ч. 1 ст. 1 УК РФ новые законы, предусматривающие уголовную ответственность, подлежат включению в настоящий Кодекс. Объективация уголовно-правовых предписаний в связи с внесением многочисленных изменений, дополнений и текущих поправок в действующий УК РФ имеет принципиальный характер, так как выступает в качестве легитимирующего фактора, который позволяет модернизировать текст уголовного закона в соответствии с текущими изменениями уголовно-правовой политики. Объективированность уголовно-правовой информации в тексте уголовного закона имеет разные уровни: поверхностный уровень, который доступен восприятию всех заинтересованных лиц, и глубокий уровень, рассчитанный на концептуальное восприятие специалистов.

1.3. *Текстуальная завершенность* уголовного закона тесно связана с его дискурсивностью. Это означает, что текст УК РФ является социально значимым текстом, адекватность которого определяется тем, что он отражает изменения, происходящие в обществе не только во время его принятия и вступления в силу, но и в течение всего периода действия. Дискурсивно незавершенный уголовный закон нуждается в дополнениях, которые призваны устранить возникающие пробелы и придать уголовному закону актуальную степень завер-

шенности. О дискурсивности УК РФ свидетельствуют изменения и дополнения, внесенные в него 166 федеральными законами в период с 1998 по 2014 г. По нашим подсчетам, в текст УК РФ внесено более 1,5 тыс. изменений и дополнений, в том числе около 200 — в Общую часть УК РФ, более 1 000 — в Особенную часть.

1.4. *Официальный стиль* изложения уголовного закона является обязательным признаком нормативного текста. Особо отметим, что стиль относится не к языку закона, а к его тексту. Соответственно, все требования, традиционно адресуемые к языку закона (краткость, точность, ясность), относятся к тексту уголовного закона, поскольку вне текста эти свойства сами по себе не существуют. Стиль уголовного закона отличают такие признаки, как императивность, нулевая экспрессивность, стандартизованность, композиционность, экономичность, использование особой лексики¹⁴.

1.5. *Связность текста* уголовного закона, т.е. объединение вербальных знаков в структурно-смысловое единство, дает возможность воспринимать Уголовный кодекс как совокупность нормативных текстов, образующих иерархически-организованное разноуровневое нормативное пространство. Структурирование Уголовного кодекса из взаимосвязанных разделов, глав, статей и частей обеспечивает его текстуальную целостность.

1.6. *Целенаправленность* является одним из признаков текста, в том числе законодательного (текста УК РФ). Текст уголовного закона, образующие его уголовно-правовые предписания и правовые институты выражают законодательную интенцию, т.е. намерение законодателя защитить уголовно-правовыми средствами наиболее важные общественные отношения. Согласно информационно-целевой теории (автор — Т. М. Дридзе) текст как целостная коммуникативная единица создается для конкретной цели в соответствии с интенцией (намерением) автора, его концепцией и замыслом¹⁵. Соответственно, текст закона, который является средством объективации законодательной интенции, создается с определенной целью, служит ее достижению. Каждое уголовно-правовое предписание служит общей цели, в качестве которой выступает противодействие преступности уголовно-правовыми средствами.

¹⁴ Юридическая техника : учеб. пособие / под ред. Т. Я. Хабриевой, Н. А. Власенко. М., 2010. С. 75.

¹⁵ Морозов В. Э. Культура письменной речи. М., 2007. С. 26.

1.7. *Прагматизм текста* уголовного закона заключается в способности уголовно-правовых предписаний регулировать общественные отношения в направлении, заданном законодателем для достижения практически полезных результатов. Текст уголовного закона настолько прагматичен, насколько прагматичен законодатель, ориентированный на создание качественного нормативного текста.

2. С позиций законодательной текстологии уголовно-правовые предписания представляют собой нормативные тексты. Законодательно-текстологический подход к уголовно-правовым предписаниям дает возможность рассмотреть нормативный материал уголовного закона с *текстоцентрических* позиций. В текстуальном отношении уголовно-правовые предписания существенно отличаются друг от друга, имеют структурные и композиционно-графические особенности.

Наиболее оптимальная модель нормативного текста в Общей части УК РФ представляет собой уголовно-правовое предписание, ограниченное рамками одного законодательного высказывания (ч. 2 ст. 3, ч. 2 ст. 6, ч. 1 ст. 7 УК РФ и др.). Обращает на себя внимание, что законодатель явно отдает предпочтение статьям, которые состоят из одной, двух частей, активно формулирует статьи, состоящие из трех, четырех, пяти частей. Более объемные статьи, состоящие из шести, семи частей, законодатель конструирует в единичных случаях. Одна статья (ст. 88 УК РФ) в порядке исключения состоит из девяти частей, две из которых введены Федеральным законом от 8 декабря 2003 г. № 162-ФЗ. Указанная статья не вписывается в общие тенденции построения статей Общей части УК РФ, так как 67 % нормативного материала составляют статьи, текст которых не имеет деления на части либо состоит из двух, трех частей.

В отдельных случаях законодатель отступает от принципа соответствия уголовно-правовых предписаний минимальной модели текста. Своеобразие таких нормативных текстов проявляется прежде всего в отсутствии композиционной дифференциации и, как следствие, в наличии двух и более уголовно-правовых предписаний в одном пункте, части статьи или статье Уголовного кодекса (ч. 1 ст. 1, ч. 1 ст. 10, ч. 2, 3, ст. 11, ч. 1 ст. 17 УК РФ и др.). В большинстве таких статей представлены два уголовно-правовых предписания (ч. 1 ст. 9, ч. 2, 3, ст. 11 и др.), по три нормативных предписания содержат ч. 2

ст. 8, ч. 6 ст. 88, ч. 2 ст. 92 УК РФ, четыре предписания сформулированы в ч. 2 ст. 104 УК РФ. Нормативные тексты, которые состоят из недифференцированных в композиционном отношении предписаний, затрудняют восприятие алгоритма действий, заданного правоприменителем, снижают качество их применения.

Уголовно-правовые предписания, сформулированные в Особенной части УК РФ, во всех вариантах соответствуют минимальной модели текста. При этом 22,7 % статей состоят из одного предписания, 37,9 % — из двух предписаний, 26,3 % — из трех, 13,1 % — из четырех предписаний. Законодатель последовательно осуществляет абзацно-цифровое и литерное членение нормативных текстов Особенной части, состоящих из нескольких уголовно-правовых предписаний, в целях выделения квалифицирующих, а в отдельных случаях и конститутивных (п. «а», «б», «в» ст. 258 УК РФ) признаков, исходя из необходимости их четкой дифференциации правоприменителем. На наш взгляд, композиционный облик основных составов не должен совпадать с обликом квалифицированных составов, так как абзацно-литерное членение составов сотягающими признаками имеет функциональную нагрузку, которая отсутствует в простых составах, в том числе и осложненных альтернативными признаками, выполняющих роль признаков-условий. В этой связи следует отказаться от членения текста основных составов на литерные отрезки и, напротив, при формулировании квалифицированных составов направить усилия на абзацно-литерное членение таких текстов, чтобы актуализировать их функциональный потенциал. В качестве примера позитивной структурной реорганизации можно привести текст, сформулированный в ч. 4 ст. 291 УК РФ (в ред. Федерального закона от 4 мая 2011 г. № 97-ФЗ). Законодатель расчленил нормативный текст на два квалифицированных состава: дачу взятки, что оговорено — групповым и организованно-групповым способами (п. «а»), и дачу взятки в крупном размере (п. «б»). Используя абзацно-литерное членение, законодатель дифференцировал квалифицированные составы взяточничества, которые актуализируют отличительные признаки содеянного и тем самым детализируют квалификационную запись.

Тем же законом текст УК РФ дополнен ст. 291.1 «Посредничество во взяточничестве», при формулировании которой законодатель отступил от приема абзацно-литерного чле-

нения. В результате признаки двух составов преступлений, изложенных в ч. 2 ст. 291.1 УК РФ — посредничество во взяточничестве за совершение заведомо незаконных действий (бездействия) и посредничество во взяточничестве, совершенное специальным субъектом, — изложены линейно. Несоблюдение принципа абзачно-литерного членения приводит к тому, что квалификационная запись имеет низкую степень дифференциации и не дает точной информации о том, какие преступные действия совершил посредник во взяточничестве.

3. Законодательно-текстологическое конструирование уголовно-правовых предписаний подчиняется общим закономерностям конструирования текста. Текст уголовно-правовых предписаний Общей части УК РФ конструируется за счет тематических и дескриптивных (описательных) признаков, образующих описательно-тематическую структуру, в которой тема обозначает предмет предписания, а описательные признаки образуют содержание предписания¹⁶. В нормативных предписаниях Общей части тема, как правило, предшествует дескрипции, является исходной точкой предписания, а содержание предписания представляет собой ядро нормативного текста, которое включает в себя дескриптивные элементы-признаки. В таких случаях тема уголовно-правового предписания соответствует названию статьи, которое тематизирует предписание.

Конструирование текстов уголовно-правовых предписаний Особенной части УК РФ осуществляется законодателем с учетом концепции состава преступления и двухэлементной структуры уголовно-правовых предписаний (диспозиция, санкция). В юридической лите-

ратуре состав преступления рассматривается как законодательная модель, научная абстракция¹⁷, логическая конструкция¹⁸, юридическая конструкция¹⁹ либо информационная модель²⁰. Состав преступления имеет структурированное содержание и включает в себя объект преступления, объективную сторону, субъект преступления и субъективную сторону²¹.

С точки зрения здравого смысла преступное деяние, общественная опасность которого имеет структурированное содержание, не может включать в себя объект посягательства и деятеля. В этой связи ряд ученых высказывают отрицательную оценку состава преступления²² и настаивают на отсутствии в составе преступления объекта²³, субъекта²⁴ либо объекта и субъекта одновременно²⁵.

Давний спор между «реалистами», понимающими состав преступления как реальный объект, существующий в действительности, и «нормативистами», которые считают, что состав преступления — это идеальный объект, элементы которого закреплены в уголовном законе, имеет приемлемое решение с позиций законодательной текстологии. Разногласия между «нормативистами» и «реалистами» показывают, что доктрина уголовного права, которая имеет дело с уголовно-правовыми проявлениями и особенностями их конструирования, выявила в сфере уголовного права наличие сложных уголовно-правовых феноменов, получивших названия общих и специальных составов преступления. При этом общий состав преступления объективирован как доктринальный текст, соответствующий *позиционной схеме* текстуального высказывания, а конкретные составы закреплены в Особенной части УК РФ как нормативные тексты, соответ-

¹⁶ Daneš F. FSP and organization of the text. Marienbad, 1970. P. 11.

¹⁷ Кузнецова Н. Ф. Преступление и преступность. М., 1969 ; Она же. Состав преступления: спорные вопросы // Вестник Московского ун-та. Серия 11. Право. 1987. № 4. С. 24—29.

¹⁸ Курс российского уголовного права. Общая часть / под ред. Н. Ф. Кузнецовой, А. В. Наумова. М., 2001. С. 165.

¹⁹ Панько К. К. Методология и теория законодательной техники уголовного права России. Воронеж, 2004. С. 143.

²⁰ Игнатов А. Н., Костарева Т. А. Уголовная ответственность и состав преступления. М., 1996. С. 27.

²¹ Полный курс уголовного права : в 5 т. Т. 1 / под ред. А. И. Коробеева. СПб., 2008. С. 307—309.

²² Козлов А. П. Понятие преступления. СПб., 2004. С. 183.

²³ Кузнецова Н. Ф. Избранные труды. СПб., 2003. С. 439.

²⁴ Трайнин А. Н. Избранные труды. СПб., 2004. С. 26—28.

²⁵ Фефелов А. П. Основания уголовной ответственности в советском уголовном праве // Сов. государство и право. 1983. № 12. С. 86—87.

ствующие *пропозиционным* схемам. *Элементами позиционной схемы* считаются деятель (agens), действие (act), способ (modus), орудие (instr), место (loc), время (temp), цель (int), объект (obj), начало (insep) и другие элементы²⁶. Обращает на себя внимание сходство позиционной текстуальной схемы с общей схемой состава преступления. Обе схемы включают в себя набор элементов, посредством которых осуществляется описание актантов, т.е. участников ситуации, и ситуантов (обстоятельств, в которых ситуация разворачивается).

В конкретном составе преступления, объективированном в УК РФ, в качестве нормативного текста законодатель выстраивает текстуальные элементы в том наборе и в том порядке, которые характеризуют признаки конкретного преступления — кражи, грабежа, разбоя и т.д. Набор и порядок соответствующих элементов в конкретном нормативном тексте образуют пропозиционную схему. Например, диспозиция, сформулированная в ч. 1 ст. 158 УК РФ: «Кража, то есть тайное хищение чужого имущества», — может быть представлена в виде пропозиционной схемы, которая включает в себя такие элементы, как тема предписания — «кража» и дескриптивные признаки — способ (тайный), действие (хищение), предмет (чужое имущество). Текстуальное описание разбоя имеет более сложную пропозиционную схему, которая состоит из большего набора элементов, расположенных в иной последовательности: тема — «разбой», дескриптивные признаки — действие (нападение), цель (хищение чужого имущества), способ (опасное насилие), объект (жизнь или здоровье), альтернативное действие (угроза или применение опасного насилия).

Таким образом, с позиции законодательной текстологии общий состав преступления представляет собой доктринальную схему, элементами которой являются дескриптивные признаки, с помощью которых в нормативном тексте может быть описан любой состав преступления. Конкретные составы преступления включают в себя определенный набор дескриптивных признаков, с помощью которых законодатель описывает конкретные преступления.

В юридической литературе принято классифицировать составы преступления по различным основаниям. В основе имеющихся классификаций лежит нормативистский подход, который проявился в выборе классификационных критериев (степень общественной опасности деяния, структура состава преступления, законодательная конструкция объективной стороны преступления) и в названии составов преступлений: основной состав, привилегированный состав, квалифицированный состав; простой, сложный, альтернативный составы; материальный, формальный, усеченный составы.

Авторы, которые используют другие подходы (логистический, законодательно-текстологический), отмечают многообразие конструкций составов преступлений. В частности, В. Н. Кудрявцев в соответствии с логистическим подходом дает перечень конструктивных признаков состава преступления и справедливо отмечает, что «при том наборе признаков, которым характеризуется состав преступления, теоретически возможно 576 различных конструкций состава»²⁷. Реально таких конструкций значительно меньше, но вполне достаточно, чтобы в силу своего разнообразия «не вписаться» в имеющиеся классификации²⁸. К числу таких составов следует отнести составы преступлений, которые не подпадают под признаки материальных, формальных и усеченных составов.

4. Появление новых составов преступлений — результат усложнения нормативного дискурса УК РФ. Среди новых конструкций составов преступлений по криминализующим признакам объективной стороны следует выделить: состав неоднократности совершенного деяния (ст. 151¹, 154, ч. 1 ст. 180, ч. 2 ст. 180 УК), состав причинения определенного вреда (ст. 140, 143, 146, 147, 172, 173, 176, 178, 179, 180, 201 УК и др.), состав поставления в опасность (ст. 215, 216, 217 УК и др.).

Состав неоднократности содержит указание на совершение незаконных действий, которые образуют состав преступления в случае неоднократного совершения таких действий. Таковы, например, составы преступлений, ко-

²⁶ Ситникова А. И. Законодательная текстология уголовного права. М., 2011. С. 197 ; Она же. Законодательная текстология: уголовно-правовой аспект. Saarbrücken, 2012. С. 130—133.

²⁷ Кудрявцев В. Н. Понятие состава преступления // Энциклопедия уголовного права. Состав преступления. СПб., 2005. Т. 4. С. 31.

²⁸ Назаренко Г. В. Уголовное право : курс лекций. М., 2008. С. 53—55.

торые сформулированы в ст. 154 «Незаконное усыновление (удочерение)», ч. 1 и ч. 2 ст. 180 «Незаконное использование товарного знака». Неоднократность в указанных составах преступлений является криминализующим признаком совершенного деяния. Это означает, что однократное совершение деяния, указанного в диспозиции ст. 154 и ст. 180 УК РФ, преступлением не признается. Законодатель, конструируя любой состав неоднократности совершенного деяния, использует признак неоднократности в качестве условия наказуемости. Неоднократность в этом качестве выполняет две функции:

- 1) ограничивает возможность привлечения к уголовной ответственности лиц, совершивших указанное в законе деяние однократно;
- 2) криминализует такое деяние при последующем его совершении.

Наряду с неоднократностью в ст. 154 УК РФ в качестве альтернативы указан признак субъективной стороны — корыстные побуждения. Фактически в указанной статье сформулированы два альтернативных состава преступления: одно преступление содержит состав неоднократности, другое преступление имеет формальный состав. Указанные особенности законодательной конструкции не способствуют дифференциации разных составов и ведут к их смешению, поскольку объективную сторону незаконного усыновления (удочерения) в первом случае образуют незаконные действия, совершенные *неоднократно*, во втором случае — *единичный факт* незаконного усыновления (удочерения), совершенный из *корыстных побуждений*. Это означает, что объективные и субъективные признаки этих деяний имеют существенные различия, поэтому их законодательная дифференциация должна осуществляться путем выделения соответствующих пунктов в рамках одной статьи или путем выделения частей статьи.

В частях 1 и 2 ст. 180 УК РФ наряду с неоднократностью указан альтернативный признак объективной стороны — крупный ущерб, который, как и неоднократность, является криминализующим признаком совершенного деяния.

Таким образом, в ст. 180 УК РФ представлена смешанная конструкция, которая совмещает в себе признаки состава неоднократности и состава причинения определенного вреда.

Состав причинения определенного вреда — это состав преступления, который содержит указание на причинение конкретного вреда, тяжкого вреда, крупного ущерба либо существенного вреда в качестве криминализующего признака совершенного деяния.

Наглядным примером состава причинения определенного вреда является деяние, предусмотренное ст. 272 «Неправомерный доступ к компьютерной информации» (в ред. от 7 декабря 2011 г.). Деяние, признаки которого даны в ч. 1 ст. 272 УК РФ, признается преступным, если повлекло конкретный вред, а именно: *«уничтожение, блокирование, модификацию либо копирование компьютерной информации»*. При отсутствии указанного вреда неправомерный доступ к компьютерной информации, по смыслу закона, квалификации по ч. 1 ст. 272 УК РФ не подлежит.

Данный состав в ранее существовавшей редакции ряд авторов привычно воспринимал как материальный²⁹. В результате действия лица, которые не причинили вреда деятельности ЭВМ, системе ЭВМ или их сети, рекомендовалось квалифицировать со ссылкой на ст. 30 УК РФ³⁰. Однако в материальных составах преступлений причинение вреда указывается прямо, без каких-либо оговорок и условий: причинение смерти (ч. 1 ст. 105 УК), убийство новорожденного ребенка (ст. 106 УК), причинение тяжкого вреда здоровью (ст. 111 УК) и т.д. В составе причинения определенного вреда обозначенный в диспозиции вред законодатель позиционирует как условие криминализации деяния, о чем свидетельствует союз «если». Такого рода «оговорка» является *рестриктивной*, так как ограничивает возможность привлечения к уголовной ответственности в случае отсутствия вреда, указанного в законе.

Состав поставления в опасность в литературе называют составом опасности, составом угрозы причинения вреда либо составом конкретной опасности³¹. И. А. Бобраков отождест-

²⁹ Комментарий к Уголовному кодексу Российской Федерации / отв. ред. А. И. Бойко. Ростов-н/Д, 1996. С. 547.

³⁰ Комментарий к Уголовному кодексу Российской Федерации / под ред. Н. А. Овчинникова. М., 2007. С. 770.

³¹ Российское уголовное право. Общая часть / под общ. ред. В. С. Комиссарова. СПб., 2005. С. 144.

вляет состав опасности с усеченным составом и относит к преступлениям с усеченным составом статью 122 УК РФ, которая предусматривает уголовную ответственность за заведомое поставление другого лица в опасность заражения ВИЧ-инфекцией³². Н. А. Лопашенко отмечает, что состав конкретной опасности занимает промежуточное место между формальными и материальными составами³³. Отдельные авторы полагают, что составы опасности нельзя считать ни формальными, ни материальными, поскольку законодатель связывает уголовную ответственность не с фактическим наступлением последствий, а лишь с созданием реальной угрозы их наступления, поэтому составы опасности следует считать самостоятельным видом³⁴.

Обращает на себя внимание, что все авторы без исключения выделяют состав опасности (состав конкретной опасности, состав угрозы причинения вреда) по способу описания объективной стороны (по конструкции объективной стороны), т.е. фактически рассматривают данный состав преступления текстологически как некий нормативный текст, который имеет определенные конструктивные особенности. Способ описания *состава поставления в опасность* заключается в том, что законодатель при конструировании объективной стороны преступления указывает на *возможные последствия*. При этом возможные последствия обозначены посредством специальных оговорок: «если это могло повлечь» (ч. 1 ст. 215, ч. 1 ст. 216 УК), «которые могли повлечь» (ч. 1 ст. 215² УК) или «если эти деяния создали угрозу причинения» (ч. 1 ст. 247 УК).

Законодательная модель преступлений с составом поставления в опасность включает в себя два элемента: деяние и возможные последствия. Причинная связь между ними усматривается. Возможные последствия в таких составах являются рестриктивным элементом, так как при отсутствии (или недоказанности возможности наступления соответствующих последствий) содеянное преступлением не признается.

Авторы, которые поддерживают традиционные классификации, привычно относят деяния, предусмотренные ст. 215, 217, 247 УК РФ, к материальным составам, несмотря на то, что возможное наступление вреда, указанного в законе, рассматривают как нематериальные последствия³⁵. Такой подход неверен по существу, так как при отсутствии возможных последствий преступное деяние с материальным составом придется квалифицировать как покушение. Поскольку наличие возможных последствий в составах поставления в опасность является криминализующим признаком, отсутствие угрозы наступления опасных последствий свидетельствует об отсутствии в содеянном состава преступления.

Законодательно-текстологический анализ текстуальных изменений, внесенных в текст уголовного закона в 2011 г., позволяет отметить, что с учетом криминализующих признаков объективной стороны можно выделить новые составы неоднократности (ст. 151¹ УК), поставления в опасность (ч. 4 ст. 272, ч. 3 ст. 273, ч. 2 ст. 274 УК) и составы причинения определенного вреда (ст. 171.2, ч. 1 ст. 176.2, 217.1, ч. 1, 2, 4 ст. 272, ч. 2, 3 ст. 273, 274 УК РФ).

Таким образом, нормодатель достаточно активно конструирует составы с рестриктивными признаками, ограничивающими возможность привлечения виновных к уголовной ответственности. Иными словами, можно сказать, что конструирование таких составов ведет к декриминализации содеянного в случае отсутствия указанных признаков.

5. Уголовно-правовые примечания — нормативные тексты, конструирование которых подчиняется общим текстологическим закономерностям. С позиции законодательной текстологии *примечания* — это дополнительные нормативные тексты, которые разгружают тексты уголовно-правовых предписаний и тем самым выполняют роль специализированных нормативных текстов, поясняющих либо восполняющих уголовно-правовые предписания в той части, которая является наиболее проблемной в смысловом либо регуля-

³² Бобраков И. А. Уголовное право России. Общая и Особенная части : краткий курс лекций. Брянск, 2004. С. 43.

³³ Российское уголовное право. Общая часть / под ред. В. С. Комиссарова. С. 144.

³⁴ Российское уголовное право : в 2 т. Т. 1. Общая часть / под ред. А. И. Рарога. М., 2001. С. 101.

³⁵ Уголовное право. Общая и Особенная части : интенсивный курс в алгоритмах / под общ. ред. Л. Д. Гаухмана, А. А. Энгельгардта. М., 2001. С. 158, 160, 188.

тивном отношении. Специфика примечаний заключается в том, что сформулированные в них предписания находятся в неразрывной связи с предписаниями статей Особенной части УК РФ: конкретизируют, дополняют либо изменяют объем их правового регулирования.

Законодательно-текстологический подход дает возможность выделить в примечаниях того или иного вида тематические и дескриптивные признаки, которые имеются в нормативном тексте, и определить типовые схемы конструирования различных примечаний. По характеру содержания можно выделить такие виды примечаний, как примечания-дефиниции, примечания-уточнения, примечания-справки, примечания-исключения, примечания-ограничители, бланкетизированные примечания.

Примечания-дефиниции — это легальные определения, разъясняющие уголовно-правовые понятия, которые нуждаются в пояснении законодателя в силу их неоднозначности. Законодательные дефиниции являются краткими формулировками, в которых указаны юридически значимые признаки определяемого понятия.

Темообразующие признаки в примечаниях-дефинициях включают в себя определяемое понятие, например «жилище», и ориентирующий элемент — «в настоящей статье», «в других статьях настоящего Кодекса» (примечание к ст. 139 УК РФ). Остаток темы в примечаниях-дефинициях представлен признаком «понимается», который сигнализирует, что примечание содержит определение уголовно-правового понятия. Количество и набор описательных признаков в дефинитивных примечаниях может быть разным, так как зависит от степени сложности определяемого понятия. При этом набор таких признаков ограничивается указанием характерных признаков дефинируемого понятия.

В ряде случаев примечания-дефиниции имеют *бланкетизированный* характер, так как законодатель наряду с конкретными признаками указывает признаки, требующие обращения к другим нормативным правовым актам, например примечания к ст. 264, 318 УК РФ. Такие примечания-дефиниции не являются чисто бланкетными. Типичным примером *бланкетного примечания*, имеющего структуру дефиниции, является примечание к ст. 185.3 УК РФ, которое отсылает правоприменителя к законодательству РФ о ценных бумагах без разъяснения понятия «манипулирование ценами на рынке ценных бумаг».

Примечания-уточнения составляют обширную группу, которую образуют нормативные тексты, уточняющие оценочные признаки за счет указания конкретного денежного эквивалента и других конкретизирующих признаков (примечание к ст. 141.1, 146, примечание 2, 4 к ст. 158, 169, 174, 178, 185, 193, 194 УК РФ и др.).

Темообразующий компонент примечаний-уточнений включает в себя оценочные признаки (значительный ущерб, крупный, особо крупный ущерб, размер или доход), которые являются уточняемыми понятиями; ориентирующий элемент, который содержит указание, к каким статьям УК РФ относится уточнение и сигнальный элемент — «признаются». Последний элемент является маркером примечаний-уточнений точно так же, как маркером примечаний-дефиниций выступает сигнальный элемент «понимается». Тематический компонент включает в себя стоимостной (денежный, рублевый или валютный эквивалент уточняемого понятия), иногда с правилами его исчисления (примечание к ст. 141.1, примечание 2 к ст. 158 УК РФ и др.).

Примечания-справки имеют справочно-бланкетный характер, так как предоставляют правоприменителю и другим адресатам информацию, которая не может быть раз и навсегда зафиксирована в нормативных предписаниях, поскольку касается размеров наркотических средств, психотропных веществ, запрещенных к возделыванию растений, содержащих наркотические средства, и сильнодействующих веществ. Примечания-справки не содержат уточнения оценочных признаков, а лишь представляют справки, необходимые для поиска соответствующей информации. Сигнальный элемент таких примечаний обозначен словом «утверждается» (в отношении документа, подлежащего поиску).

Примечания-исключения представляют собой нормативные предписания, которые при определенных условиях предусматривают освобождение от уголовной ответственности или неприменение уголовной ответственности и тем самым ограничивают или исключают возможность реализации уголовно-правовых мер. Необходимость таких примечаний обусловлена наличием особых ситуаций, которые дают возможность стимулировать позитивное поведение виновного лица либо поощрить позитивное поведение путем освобождения от уголовной ответственности (примечание к ст. 122, 124, 126, 127.1, 204, 205 УК РФ и др.).

и от наказания (ст. 134 УК РФ) либо не применять уголовную ответственность (примечание к ст. 151, 230, 305 УК РФ и др.).

Конструктивными особенностями примечаний-исключений являются:

- а) специфичность темы — последняя содержит уголовно-правовую характеристику лица;
- б) наличие в структуре предписания условий, являющихся основанием освобождения от уголовной ответственности.

В современной литературе нередко высказывается отрицательное отношение к примечаниям, имеющим место в различных нормативных правовых актах³⁶. В Уголовном кодексе Российской Федерации примечания играют незаменимую роль, так как являются действенным инструментом уголовно-правовой политики, дающим возможность не только скорректировать применение тех или иных уголовно-правовых предписаний, но и внести изменения в механизм реализации уголовной ответственности. Инструментальная роль примечаний «провоцирует» их количественный рост.

Увеличение количества примечаний, их дефиниции свидетельствуют о возрастающей регулятивной роли специализированных уголовно-правовых предписаний. В этой связи на первый план выдвигаются конструктивные особенности примечаний, типовые схемы их построения, критерии оценки качества законодательных примечаний, а также разработка правил их конструирования. В этой связи с позиций законодательно-текстологического конструирования можно высказать критические замечания в отношении некоторых нововведений законодателя:

1. Федеральный закон от 4 декабря 2011 г. № 420-ФЗ дополнил институт освобождения от уголовной ответственности статья 76.1 УК РФ. Нормативные предписания данной статьи по структуре и содержанию являются типичными примечаниями-исключениями: первая часть предусматривает освобождение от уголовной ответственности за совершение налоговых преступлений (ст. 198—199.1 УК РФ), вторая часть — за первые совершенные преступления, перечень которых представлен в указанном предписании. Идентичный по конструкции текст сформулирован в пункте 1 примечания к статье 134 УК РФ как специали-

зированное уголовно-правовое предписание в виде примечания-исключения. С точки зрения законодательной текстологии включение в текст Общей части предписаний, которые имеют характер узкоспециализированных нормативных текстов, является нормативным дефектом.

2. Законодатель слишком кратко сформулировал примечание к статье 217.1 УК РФ, в котором уточнил денежный эквивалент крупного ущерба в качестве возможного последствия нарушения требования обеспечения безопасности и антитеррористической защищенности объектов топливно-энергетического комплекса, поскольку в этом примечании отсутствует разъяснение понятия «объекты топливно-энергетического комплекса», а также ссылка на нормативный правовой акт, устанавливающий требования обеспечения безопасности и антитеррористической защищенности объектов топливно-энергетического комплекса.

3. Нормотекст статьи 138.1 УК РФ нуждается в дополнении путем формулирования примечания, так как наиболее проблемным в смыслеловом и регулятивном отношении является фрагмент диспозиции, указывающий на специальные технические средства, предназначенные для негласного получения информации.

Законодательно-текстологическая интерпретация уголовного закона — второе направление практического применения законодательной текстологии. Потребность в интерпретации текста уголовного закона связана со специфическими чертами его текстуальности, такими как концептуальность, сложная структура, бланкетность, наличие терминов и оценочных понятий.

В юридической литературе описаны различные способы (приемы, виды) толкования: грамматическое, логическое, историческое, систематическое, текстовое, историко-политическое, телеологическое (целевое), функциональное (социологическое), специально-юридическое (техничко-юридическое). Грамматическое толкование именуется языковым, словесным, филологическим и текстовым. В свое время Е. Н. Трубецкой и П. И. Люблинский деление толкования на несколько видов признавали неудачным и высказывали критические замечания, поскольку уяснить мысль законодателя путем применения одного

³⁶ Алексеев С. С. Общая теория права. М., 2008. С. 464.

вида толкования считали неудачным³⁷. Изолированный подход к различным способам толкования свидетельствует, что общий алгоритм толкования в теории права и теории уголовного права до настоящего времени не выработан. Уголовно-правовая практика опирается не столько на теорию толкования уголовного закона, сколько на добротные комментарии к Уголовному кодексу.

В современной уголовно-правовой литературе утверждается, что «предметом толкования уголовного закона должен быть текст»³⁸. Формальное признание текста уголовного закона предметом толкования нашло свое отражение в Модельном уголовном кодексе, где сформулировано положение, согласно которому «содержание уголовного закона следует понимать в точном соответствии с его текстом»³⁹. Однако текстологическая потенция толкования как в общей теории права, так и в уголовном праве в основном декларируется. Реально в юриспруденции доминирует грамматический (языковой) подход к толкованию нормативных правовых актов, так как считается, что «без грамматического анализа в принципе невозможно понять смысл закона»⁴⁰.

На наш взгляд, уголовно-правовые предписания нуждаются в законодательно-текстологической интерпретации, так как все существующие виды толкования имеют в качестве общего объекта законодательный текст. При этом исчерпывающая интерпретация опирается на законодательно-текстологический анализ нормативных предписаний, учитывающий уголовно-правовые концепции, технико-юридические особенности, логику изложения нормативного текста, его системные связи, социальный и исторический контексты.

Законодательно-текстологическая интерпретация — это применение операций, способов и приемов анализа текста закона, базирующихся на теоретических положениях законодательной текстологии, результаты которой могут быть использованы для нужд законодателя, правоприменителя и других за-

интересованных лиц. Законодательно-текстологическая интерпретация уголовного закона заключается в анализе признаков нормативного текста, включая его структурные, конструктивные, интенционально-целевые и концептуальные особенности.

Алгоритм законодательно-текстологической интерпретации включает в себя последовательность действий интерпретатора, которая обеспечивает адекватное уяснение и разъяснение нормативного текста. К числу таких действий следует отнести:

1. *Установление подлинности текста уголовного закона.* Операция установления подлинности нормативного текста является обязательной в связи с тем, что начиная с 1998 г. федеральные законы регулярно вносят в УК РФ изменения и дополнения, которые касаются наименования статей, содержания уголовно-правовых предписаний и нормативных примечаний. Нередко тексты УК РФ, публикуемые различными издательствами, воспроизводят устаревшие редакции уголовного закона, не содержат последних изменений, внесенных федеральными законами, и не имеют указаний, в редакции каких федеральных законов опубликованы заголовки, статьи, их части, пункты и примечания. Кроме того, вместо полного перечня федеральных законов, внесших изменения и дополнения в УК РФ, ряд изданий действующего Кодекса содержат перечень федеральных законов, вступивших в силу только в год издания. Установление подлинности текста уголовного закона требует обращения к таким официальным источникам, как «Российская газета», «Парламентская газета», «Собрание законодательства Российской Федерации». Проверка подлинности нормативных текстов — это не техническая сверка двух текстов — подлинного и копии, а законодательно-текстологическая операция, в ходе которой выявляется тождество нормативных текстов либо их расхождение, и в результате устанавливается подлинное содержание уголовно-правовых предписаний.

³⁷ Трубецкой Е. Н. Энциклопедия права. СПб., 1998. С. 109—110 ; Люблинский П. И. Техника, толкование и казуистика Уголовного кодекса. Пг., 1917. С. 108.

³⁸ Щепельков В. Ф. Толкование уголовного закона // Энциклопедия уголовного права. Уголовный закон. СПб., 2005. Т. 2. С. 278.

³⁹ Келина С. Г. Принципы Уголовного кодекса // Уголовный закон : опыт теоретического моделирования. М., 1987. С. 27.

⁴⁰ Щепельков В. Ф. Указ. соч. С. 487.

2. *Анализ текстуальных свойств уголовного закона.* Такими свойствами нормативного текста являются:

- а) заголовки нормативных текстов;
- б) обьективированность уголовно-правовых предписаний в нормативном правовом акте;
- в) завершенность уголовно-правовых предписаний;
- г) их целенаправленность;
- д) прагматичность;
- ж) структурность.

Обращение к указанным свойствам нормативного текста позволяет:

- во-первых, интерпретировать заголовочный комплекс уголовного закона как информацию, которая дает точное представление о его структуре, позволяющей судить о месте и значении уголовно-правовых предписаний в Кодексе, а также получить представление о внутриотраслевых и межотраслевых связях интерпретируемых предписаний;
- во-вторых, обьективированность уголовно-правовых предписаний позволяет выявить волю законодателя путем рецептивной переработки нормативных текстов и создания вторичных текстов, описывающих смысловое содержание законодательных установлений посредством актуализации концептов и концепций, использованных законодателем в пределах нормативного текста, с учетом его связей с социальным контекстом;
- в-третьих, завершенность уголовно-правовых предписаний достигается в ряде случаев за счет их бланкетности, что обязывает интерпретатора учитывать межотраслевые связи и наличие в уголовном законе различных дискурсов (политического, экономического, социального, психологического, медицинского и других), имеющих значение для законодательно-текстологической интерпретации уголовно-правовых предписаний;
- в-четвертых, целенаправленность уголовно-правовых предписаний предполагает необходимость их интерпретации в соответствии с целями, задачами и принципами уголовного законодательства, провозглашенными в гл. 1 УК РФ;
- в-пятых, наличие прагматической установки в уголовном законе, его предписаниях и институтах обязывает интерпретатора выявлять и описывать законодательно-техни-

ческие средства и приемы, использованные законодателем для достижения практически полезных результатов.

Например, использование в институте рецидива преступлений фикции несудимости:

- а) лиц, судимых за умышленные преступления небольшой и средней тяжести;
- б) лиц, судимых за преступления, совершенные в несовершеннолетнем возрасте;
- в) условно-осужденных лиц, имеющих отсрочку исполнения приговора, а также лиц, имеющих снятую или погашенную судимость;
- в-шестых, структурность как свойство нормативного текста диктует необходимость обращения к структуре уголовно-правовых предписаний, их тематическим и дескриптивным (описательным) признакам с целью установления конструктивных единиц, то есть к тем элементам, которые задают алгоритм пошаговой интерпретации уголовно-правовых предписаний и нормативных примечаний.

3. *Сегментация уголовно-правовых предписаний в процессе их интерпретации.* Законодательно-текстологическая сегментация нормативных текстов с последующей интерпретацией и маркировкой выделенных сегментов проводится в нескольких направлениях:

- во-первых, текст уголовного закона рассматривается как иерархически организованное разноуровневое нормативное пространство, расчлененное (сегментированное) законодателем на части, разделы, главы, статьи, части статей и пункты, которые следует интерпретировать в качестве, обусловленном структурной организацией уголовного закона;
- во-вторых, тексты уголовно-правовых предписаний рассматриваются с позиций композиционно-графического членения с последующей интерпретацией композиционных средств и выделения юридически значимых фрагментов уголовно-правовых предписаний;
- в-третьих, нормативные тексты предписаний анализируются с учетом их тематических и маркируемых дескриптивных признаков и типовых схем построения различных нормативных предписаний.

Законодательно-текстологическая интерпретация уголовного закона имеет универсальное значение, так как может осуществляться во всех видах юридически значимой деятельности. Значение предлагаемой интерпретации уголовного закона не исчерпывается право-

применительным толкованием, так как интерпретация текста закона наряду с практической направленностью имеет идеологическое зна-

чение, формирует общий тренд уголовного законодательства и показывает направление развития уголовного права.

БИБЛИОГРАФИЯ

1. Бойко А. И. Язык уголовного закона и его понимание. — Ростов н/Д, 2009.
2. Губарева Т. В. Язык и право. Искусство владения словом в профессиональной юридической деятельности. — М., 2007.
3. Кашанина Т. В. Юридическая техника : учебник. — М., 2007.
4. Керимов Д. А. Проблемы законодательной техники // Международное и национальное уголовное законодательство: проблемы юридической техники. — М., 2004.
5. Кострова М. Б. Языковая детерминированность уголовного закона. — Саратов, 2002.
6. Кузнецова Н. Ф. Избранные труды. — СПб., 2003.
7. Назаренко Г. В. Методология правопознания. — Орел, 2014.
8. Панченко Н. П. Юридическая техника как фактор совершенствования уголовного законодательства // Проблемы юридической техники / под ред. В. М. Баранова. — Н. Новгород, 2000.
9. Панько К. К. Методология и теория законодательной техники уголовного права России. — Воронеж, 2004.
10. Трайнин А. Н. Избранные труды. — СПб., 2004.
11. Чухвичев Д. В. Законодательная техника. — М., 2008.
12. Юрислингвистика: проблемы и перспективы / под ред. Н. Д. Голева. — Барнаул, 2000.
13. Юридическая техника / под ред. Т. Я. Хабриевой, Н. А. Власенко. — М., 2010.
14. Müller C. Strafrecht Allgemeiner Teil. — Heidelberg, 2008.

Материал поступил в редакцию 27 января 2015 г.

LEGISLATIVE TEXTOLGY OF CRIMINAL LAW

SITNIKOVA Alexandra Ivanovna — Doctor of Law, Professor at the Southwestern State University
orcrimpravo@yandex.ru
305040, Kursk, ul. 50 let Oktyabrya, d. 94

Review. A legislative-textual approach to criminal law in contrast to the traditional linguistic approach is based on the understanding that the final result of legislative activity is the text of the criminal law. Legislative textology has two practical applications: construction of criminal-law provisions and interpretation of texts of the criminal law. The first practical application of the legislative texts allows us to identify the textual indications of criminal law, to determine the dynamics of amendments to the articles of the General and Special Part of the RF CC, to analyze the structural organization of the text of the criminal law, to identify the minimum, optimum texts of the articles and articles that exceed the scope, to differentiate criminal law regulations in accordance with their compositional and graphics features and provide practical recommendations on improvement of articles of the RF CC, to consider the problem of the criminal law quality in relation to its addressees, to set the textual peculiarities of the titles of the articles of the Special Part of the Criminal Code of the Russian Federation, to develop practical recommendations for the application legislative textology provisions when constructing notes, to reveal new crimes constructions with limiting (restrictive) elements. Legislative and textology interpretation as a the second approach to the practical application of the legislative textology makes it possible to carry out an analysis of the text of the criminal law, including its structural, constructive and conceptual peculiarities, and to develop legislative and textual interpretation algorithm that provides a step-by-step interpretation of the text of the criminal law. Methodological foundations of legislative textology consist of both traditional methods of cognition (method of historical reflection, comparative law, logical, sociological, statistical, the method of expert assessments) and new approaches to the study of the text of the criminal law (discursive, textocentric, communicative methods and the method of structural analysis).

Keywords: legislative textology, legislative textual constructing, textual indications of criminal law, models of criminal law regulations, requirements, classification of the titles of the Criminal Code Articles, classification of crimes on the basis of a criminalizing feature of an objective element, classification of commentaries, algorithm of legislative and textual interpretation.

BIBLIOGRAPHY

1. *Boyko, O. I.* The language of the criminal law and its understanding. Rostov-na-Donu, 2009.
2. *Gubareva, T. V.* The Language and Law. The Art of Word in a professional legal activity. M., 2007. -
3. *Kashanina, T. V.* Legal Technique: A textbook. M., 2007.
4. *Kerimov, D. A.* Problem of legislative technique // International and National Criminal Legislation: problems of legal technique. M., 2004.
5. *Kostrova, M. B.* The Language Determinacy of the Criminal Law. Saratov, 2002.
6. *Kuznetsova, N. F.* Selected works. SPb., 2003.
7. *Nazarenko, G. V.* Methodology of law cognition. Oryol, 2014.
8. *Panchenko, N. P.* Juridical technique as a factor of improving the criminal legislation // Problems of Legal Technique / Ed. by V. M. Baranova. N. Novgorod, 2000.
9. *Panko, K.K.* The methodology and theory of legislative technique of criminal law of Russia. Voronezh, 2004.
10. *Traynin, A.N.* Selected works. SPb., 2004.
11. *Chukhvicev, D. V.* Legislative technique. M., 2008.
12. *Jurislingvistika: problems and perspectives* / Ed. by N. D. Goleva. Barnaul, 2000.
13. *Legal technique* / Ed. by T.Ya. Habrieva, N.A. Vlasenko. M., 2010.